

Том Р.

18/1/88

8 ИЮНЬ 1988

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ИЗ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО БЛОКНОТА

ШАНС МОЛОДЫХ

В телефонном справочнике его номер не значится. Нет и таблички с его именем на двери. Это не меры предосторожности от назойливых поклонников, а суровая необходимость. Прототипы его героев, случается, грозят расправой. После выхода в свет последнего романа, который разошелся в считанные часы, люди узнают его на улице, подходят поговорить. Очередь на прочтение этой книги в библиотеках такая же, как на покупку автомобиля... Три книги, два сценария (фильмы: «Почему?» — о болейщиках-фанатах и «Чеки и спокойствие» — о фарцовщиках). Маленькая дочь, жена-киноактриса и аккуратная «Шкода» салатного цвета. Жизненный стаж — 35 лет. Имя — Радек Йон. Профессия — репортер. Место работы — корреспондент молодежного еженедельника ЦК ССМ «Млады свет». Призвание — писатель.

В ТОЧНО назначенное время Радек пришел в одно из бесчисленных летних кафе на Вацлавской площади, присел за ажурный столик и, улыбувшись подошедшей официантке, попросил принести холодной «Колы». Внимательные темные глаза, черная борода, плавная, ироничная и отточенная речь — чувствуется, что за каждым словом стоит упорная работа мысли. Порыв ласкового летнего ветра шедро высypал пригоршню сигаретного пепла из пепельницы на поношенные черные брюки моего собеседника.

— Вот он — реальный недостаток летних кафе, — смеется Йон, отряхивая колени. А затем рассказывает о Каннском фестивале, где он по просьбе организаторов представлял фильм «Почему?». А мне в связи с этим вспомнилось наше первое, довольно случайное знакомство пять лет назад на Московском кинофестивале — тогда он был начинающим писателем. Выбрав момент, извинившись, перебиваю Радека, и мы возвращаемся с каннской набережной Круазетт, из мира кинозвезд и фотовспышек в тихое кафе на Вацлавке.

— Радек, а как ты стал писателем?

— Честно говоря, долго колебался в выборе профессии: стать ли мне врачом или писать. За перо взялся в семнадцать лет, еще будучи учеником гимназии. После нелегких раздумий решил все-таки поступать на сценарный факультет пражского киноинститута ФАМУ. А после его окончания, не найдя поначалу применения в кино,

стал репортером «Млады свет». И хотя это был в какой-то степени компромисс, но именно журналистике я обязан всем. За пять лет работы в журнале мне удалось собрать интересные факты о нашей молодежи. Теперь, прежде чем сесть за письменный стол, собираю сначала социологический материал по теме. Все мои книги и сценарии основываются на реальных событиях. Думаю, что факты всегда привлекательнее любого вымысла. Не признаю литературу, которая выдумывается за письменным столом, искусно обходит действительно острые проблемы и конфликты жизни. Кстати, материал, содержащий в себе реальные проблемы, опубликовать гораздо сложнее, чем жизненную фикцию. Но когда мне говорят: «Этого не может быть, вы все это придумали!» — я всегда могу спокойно парировать: «Уважаемые, аналогичные случаи разбирались в прошлом году в шести судах только в одной Праге». Конечно, оба типа литературы имеют право на существование, но если судить по читательским откликам, то именно «социологическая», базирующаяся на фактах самой жизни, с интересом встречается сейчас читателями, особенно молодыми.

— А как ты использовал свой метод работы, когда писал роман о наркоманах — «Мemento», который в ближайшее время должен выйти на русском языке?

— Полтора года я провел среди наркоманов. Внедриться в их ряды было чрезвычайно трудно. Но я

не скрывал того, что журналист и буду писать обо всем, что увижу. Мне все время приходилось преодолевать недоверие со стороны этих несчастных и доказывать им две вещи: первое — что я не из следственных органов и не использую полученный материал против них, второе — что напишу только правду, так как мои новые знакомые говорили мне: «Журналисты всегда пишут полуправду и стараются облить нас грязью, не пытаются понять». Моей целью, делом было написать правду. Поэтому когда книга была готова, то, прежде чем отнести рукопись в издательство, я дал ее почитать своим новым знакомым. Они отозвались о ней с одобрением. И тогда я со спокойной душой отправился к издателю. Что было бы с книгой, если бы они ее не приняли? Оставил бы рукопись в ящике стола. Это не просто красивая фраза. Лжи они мне не простили бы, да и главной цели мой труд тогда не достиг. Ведь мою книгу написали сами эти ребята своими жизнями, а некоторые и своими смертями...

— Как ты думаешь, помогают книги, подобные роману «Мemento», решить те острые социальные проблемы, о которых в них говорится?

— Когда я пишу, то ставлю перед собой конкретные цели: привлечь внимание к назревшей проблеме и попытаться решить ее, защитить молодежь, постараться ответить на вечный вопрос молодых: как надо жить и как не надо? А это тесно связано с проблемой героя и антитеря. Над темой наркомании, еще недавно совсем запретной, я начал работать в 1983 году. Тогда же с ужасом узнал, что у нас наркотики дешевле алкоголя. Мы были единственной в мире страной в этом смысле. Кроме того, в любой аптеке без рецепта можно было купить пять видов лекарств, из ко-

торых при определенной сноровке получался наркотик, не «уступающий» западным образцам. Исходя из этой угрозы судьбам молодых, мы сделали серию телерепортажей о наркомании, опубликовали материалы о ее жертвах в «Млады свет», сняли документальный и художественный фильмы на эту тему. Короче, нам удалось привлечь общественное мнение к проблеме, хотя это было и нелегко. И вот, как по маговому волшебной палочки, все ранее «практически невыполнимые» меры по ограничению продажи наркотических лекарств были разом приняты. Вообще я усматриваю прямую связь между кампанией по борьбе с наркоманией и тем, что впервые за 18 лет число наркоманов у нас снизилось на пятнадцать процентов. Конечно, цифра не бог весть какая, но ведь раньше она только увеличивалась.

— Здесь, в Праге, я не раз слышал мнение, что реформы в области культуры идут медленнее, чем хотелось бы. Что ты думаешь об этом?

— Видишь ли, в последние годы многие у нас строили свою жизнь, исходя из «принципа трех ключей»: ключ от дома, ключ от машины, ключ от дачи... Может показаться абсурдным, но люди старались меньше работать в течение недели, чтобы сохранить силы для субботних и воскресных трудов на собственной даче, к примеру. Поэтому противников перестройки у нас достаточно. Ваши газеты пишут, что перестройке мешают бюрократы, и это вполне естественно, но у нас, помимо наших чиновников, есть и противники «снизу» — это те, кто не хочет трудиться по-настоящему, с полной отдачей. Лично для меня перестройка состоит в изменении положения писателя в обществе, которое сейчас пришлось в движение. Появились новые, ранее забытые или

даже запретные темы. Сегодняшняя молодежь может говорить о жизненной альтернативе. Перестройка открывает перед молодым человеком новые возможности. Много и хорошо работать, быстро достичь того положения, которого он заслужил своим трудом; наконец, возможности побывать в разных странах — этот вопрос всегда остро стоял в наше время. Хочу еще добавить, что перестройка дала нам и доступ к информации. Ощутить себя человеком, личностью, достойной уважения, можно только тогда, когда ты располагаешь полной информацией о том, что происходит вокруг. Гласность, как мне представляется, помогает человеку выйти из состояния постоянной неуверенности, незнания того, что происходит с тобой и вокруг тебя. И это прекрасно. Нет смысла скрывать, что многие люди — и самого разного возраста — еще считают перестройку очередным лозунгом, новой одежкой, которую пытаются натянуть на старый манекен. У нашей молодежи особенно остро проявляются скептицизм, апатия, обыкновенная пассивность. Все это возникло не сегодня, и тому есть масса причин. Но главная — пропасть между тем, что молодежь видела в жизни, и тем, что ей говорили, в частности, в школе. Вот почему у нашей перестройки появился поистине исторический шанс — привлечь молодежь на свою сторону. Надо, чтобы молодые увидели, что на этот раз все происходит по-настоящему, что перестройка — это серьезный поворот к новому. Они очень хотят верить, но как бы загора бояться и разочароваться.

— Над чем ты сейчас работаешь? Я слышал, что взялся за тему разводов?

— Кризис семьи — а только в Праге сейчас разводится каждая вторая супружеская пара — тревожит наше об-

щество, поэтому я и взялся за сценарий, в котором будет роль, специально написанная для Яны Брейховой. Целый год я «стажировался» в семейной консультации, и перед моими глазами прошли сотни человеческих историй, судеб, трагедий... Злободневность тем, которые я стараюсь поднимать в своих работах, иногда вызывает раздражение. Порой мне говорят: хватит затрагивать болезненные вопросы. А недавно один почтенный и даже признанный мастер дал дружеский совет: если я хочу остаться в литературном мире, то мне пора написать книгу, которая никого не будет трогать, хотя никого и не заинтересует. Послушался ли я его? Подумал — и взялся за книгу о СПИДе. Это не рассказ о страшной болезни, это будет рассказ о журналисте, который пытается писать на «закрытую» тему, и о разных людях, которые ему в этом мешают. Она будет называться «Страх». Это страх бюрократов перед острой проблемой, это страх людей заболеть, наконец, мой страх — страх журналиста, не знающего, каковы будут последствия его работы. Спасение от этой «болезни» — говорить обо всем открыто и в полный голос. И в этом меня как очевидца утвердила встреча советской и чехословацкой творческой молодежи, организованная ЦК ВЛКСМ и проходившая недавно в Москве. Она произвела на меня хорошее впечатление. Никогда еще не слышал, чтобы на столь официальном мероприятии говорили так же искренне и раскованно, как говорят люди во время частных бесед. В свете этого хотелось бы сказать следующее: наши дискуссии открыли двери для дальнейшего обмена, для личных контактов. В этом острая нужда. Хотя мои работы в кино и литературе ставят проблемы, но это только половина дела. Ведь от постановки вопроса до его решения — большой путь. Как мы его пройдем, зависит и от молодых, от беззаветности вклада каждого из них в перестройку.

Интервью взял
В. ЖУРАВЛЕВ.
ПРАГА — МОСКВА.